

Лейкин Николай Александрович

Пух и перья

Рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Александрович Л.**
Пух и перья: Рассказы / Лейкин Николай Александрович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2022. – 215 с.

ISBN 978-5-519-92950-9

ISBN 978-5-519-92950-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВЪ КРЕЩЕНЬЕВЪ ДЕНЬ.

Крещеньевъ день. По Дворцовой набережной, мимо выстроеннаго кіоска, именуемаго Іорданью, обычное катанье. Множество парныхъ саней съ лошадьми подъ цвѣтными сѣтками. Полиція сдерживаетъ быструю ѣзду, и большинство ѣдетъ легкой рысцой. Фыркаютъ сытые кони, мѣрно выступая ногами. Много купеческихъ новоженовъ; много жениховъ, высматривающихъ невѣсть. Есть и военные, взгромоздившіеся на высокія сани англійско-шведской конструкціи и управляющіе лошадьми сами. Пѣшеходовъ также очень много. Пестрѣютъ дамскія вычурныя пальто, шляпки, шапочки. Тутъ публика смѣшанная: цвѣтная военная фуражка, приказчики изъ Гостинаго двора, купеческія маменьки съ дочками, выплывшія изъ Ямской съ извозчичьего двора, Апраксинъ дворъ съ женами, продавальщицы изъ модныхъ магазиновъ. Все шествуетъ чинно, чопорно, автоматически, изрѣдка перешептывается словами. Катающіеся тоже изрѣдка подъѣзжаютъ къ панели, оставляютъ сани и начинаютъ прогулку пѣшкомъ.

Вотъ подъѣхали сани, запряженныя парю вороныхъ подъ синей сѣткой. Изъ саней вышли купеческіе новожены и по-

плыли по тротуару, дѣлая легкій „проминажъ“. На самой чернобурая лисья ротонда, крытая синимъ бархатомъ, и какая-то необычайная тоже мѣховая чернобурая шапочка съ чучеломъ совы. Самъ весь въ сѣдыхъ бобрахъ.

— Все высшее общество сегодня тутотка. Вся аристократія собралась, шепчетъ самъ.

— Да-съ... отвѣчаетъ сама.—Очень интересно... И все знакомые.

— Раисынька... что я васъ хотѣлъ попросить...

— А что-съ?

— Да нѣтъ, не смѣю. У васъ завсегда на этотъ счетъ большой капризъ является.

— Говорите... Ужъ ежели начали, то зачѣмъ же отставать.

— Дайте слово, что не отринете этотъ сюжетъ.

— Скажите сначала, въ чемъ дѣло. Можетъ быть, вы такой сюжетъ потребуете, чтобъ я сейчасъ до-нага раздѣвалась и при всемъ народѣ въ проруби купалась.

— Что вы! Помилуйте... Этого и полиція даже не позволить.

— Кто васъ знаетъ, какія у васъ мечтанія въ вашемъ головномъ воображеніи!

— Жестокость чувствъ, и ничего больше! Удивляюсь, какъ вы за два мѣсяца нашей женитьбы никакъ не можете привлечь къ моей душевной апелляціи.

Самъ надулся.

— Вотъ ужъ вы, кажется, и губы надули... бросила на него взглядъ сама.—Удивляюсь, ничего сказать нельзя.

— Позвольте-съ... Да какъ же тутъ не надуть губъ, если вы вдругъ такія слова!.. Моя любовь къ вамъ безгранична, вы моя законная супруга и даже можно такъ сказать, что жена на каменномъ фундаментѣ, а вы думаете, что я буду отъ васъ требовать, чтобъ вы раздѣвались при всей публичности и лѣзли купаться въ прорубь. Срамъ и говорить-го!

— Ахъ, Боже мой! Да вѣдь мало ли что... Я пошутила.

— Такія шутки не шутятъ-съ...

ВЪ КРЕЩЕНСКІЙ ДЕНЬ.

— Говорите, говорите, что вы хотѣли сказать... Полноте вамъ...

— Я просто хотѣлъ пустить въ ходъ вашу образованность, такъ какъ вы дама образованная.

— Вѣрно, опять насчетъ французскаго языка.

— Именно-съ. Пустите теперь вашу французскую ловесность. Говорите разныя слова, а я буду слушать. Публика здѣсь самая настоящая, французскій языкъ въ модѣ. Вонъ сейчасъ военный прошелъ и своему товарищу два французскія слова отпустилъ... И такъ это чудесно вышло, что просто прелесть!

— Военный пустилъ передъ товарищемъ, а товарищъ и самъ отлично знаетъ французскія слова... Это дѣло другое, отвѣчала сама.—А какъ же я-то супротивъ васъ французскія слова пущать буду, если вы ихъ не понимаете.

— Это ничего не обозначаетъ. Вы только пущайте французскую словесность. Я не буду понимать, такъ зато другая проходящая публика пойметъ. Тутъ образованной публики очень много.

— Да вѣдь я знаю по-французски только самыя обыкновенныя слова и басни, а такихъ словъ, которыя надо на улицѣ говорить, я не знаю.

— Пуцайте обыкновенныя слова. Что знаете, то и пуцайте. Даже басни можете...

— Ну, вотъ еще что выдумали! Для улицы надо особенныя слова, а я ихъ не знаю. Я не знаю даже, какъ и Иорданъ по-французски называется. Тутъ надо прежде всего объ Иордани говорить.

— Зачѣмъ объ Иордани? Говорите о томъ, кто какъ одѣтъ. Цыганьте публику—вотъ васъ сейчасъ за образованную аристократку примутъ.

— Этихъ-то словъ я именно и не знаю, какими надо цыганить публику.

— Пуцайте домашнія слова.

— Домашнихъ словъ на улицахъ не говорятъ.

— Полноте, полноте... Вы просто кобенитесь. Запала вамъ

въ голову мысленность, чтобъ кобениться передо мной, вотъ вы и начинаете. Ну, умоляю васъ... Хоть какія-нибудь слова.

— Погодите, дайте подумать. Сразу нельзя.

— Вы пушайте тогда, когда увидите, что наше знакомое купечество идетъ.

Пауза. Самъ самодовольно посматриваетъ по сторонамъ.

— Раисынька! Бога ради, пушайте слово. Петръ Иванычъ Ерешкинъ съ супругой идетъ, говорить онъ.

Сама краснѣетъ и произноситъ:

— Сержъ... Регардэ, кель экипажъ.

— Вуй... Се тре журавле... отвѣчаетъ самъ.—Петру Иванычу добраго здоровья, раскланивается онъ со встрѣтившейся купеческой парой и, пропустивъ ее, говорить женѣ: — Вотъ видите, какъ все хорошо вышло. Петръ Иванычъ такъ на насъ свои буркулы и выставилъ отъ удивленія.

— Хорошо-то хорошо, но только вы другой разъ не говорите «тре журавле».

— Отчего же-съ?

— Оттого, что такихъ словъ во французскомъ языкѣ нѣтъ.

— Вотъ те здравствуй! Какъ же нѣтъ, если я самъ слышалъ, что такъ французинки говорятъ.

— Вѣрно, тре жоли.

— А это развѣ не все равно?

— Нѣтъ, не все равно. Тре журавле ничего не обозначаетъ.

— Гм... Скажи на милость! А я, ей-ей, слышалъ. Ну, да для Петра-то Иваныча все равно. Вѣдь онъ ни по каковски не понимаетъ. Раисынька! Бога ради! Пустите еще нѣсколько словъ. Кириллъ Аверьянычъ идутъ. А я хочу, чтобъ и онъ вашу словесность французскую слышалъ.

— Если вы желаете, чтобъ я тѣ же самыя слова, то извольте.

— Катайте тѣ же самыя слова! Вотъ онъ... Подходить...

— Сержъ! Регардэ, кель экипажъ!

— Вуй, монъ шеръ... Кириллу Аверьянычу добраго здоровья!.. Раисынька! Умоляю васъ еще разъ пустить тѣ же слова. Окурковъ идетъ. Это уже въ послѣдній разъ.

— Серужъ! Регардэ, кель экипажъ.

— Трѣ бьень... Вуй... Мусье Окурковъ! Здравствуйте!.. Ну, вотъ теперь и довольно, теперь я сытъ вашимъ французскимъ языкомъ. Большое вамъ спасибо. За эту самую музыку, поѣдемъ мимо по Караванной, такъ я вамъ у Кузнецова три фунта конфетъ куплю.

— Мерси... Гранъ мерси... благодарить супруга.

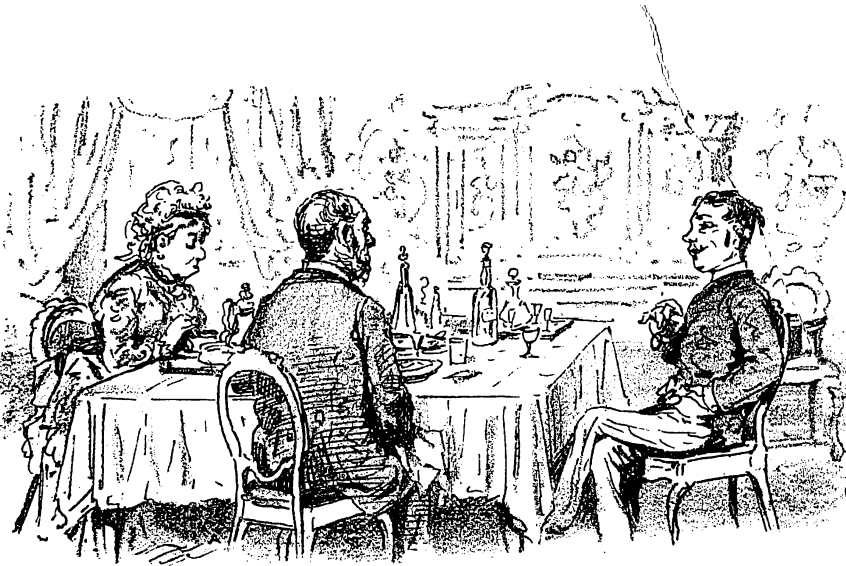
— Мало того, сейчасъ поѣдемъ на Крестовскій въ Зимній садъ и тамъ глинтвейномъ васъ напою.

— Боку мерси.

— Семень! Подавай!.. Садитесь, Раисынька, въ санки. На Крестовскій поѣдемъ.

Лошади помчались.

КАНДИДАТЪ ВЪ ДИРЕКТОРЫ.

— Bonjour, ma tante! Bonjour, mon oncle! Вы присылали за мной?

Вычурно одѣтый въ какую-то кургузую куртку молодой человекъ съ сильно поношеннымъ лицомъ вышибъ изъ глаза ловкимъ движеніемъ руки монокль, поцѣловалъ руку у рыхлой дамы съ прищуренными глазками и пожалъ протянутую ему руку сановитымъ старикомъ.

Рыхлая дама и сановитый старикъ сидѣли за завтракомъ. На столѣ стоялъ мельхіоровый кофейникъ, помѣщалось початое блюдо какого-то соуса.

— Садись къ столу... Завтракать не хочешь ли? предложилъ старикъ.

— Нѣтъ, mon oncle... Боюсь испортить аппетитъ. Я отозванъ. Я тороплюсь. У насъ сегодня большой завтракъ у Бореля... Въ два часа... Мой другъ дѣлаетъ, отвѣчалъ молодой человекъ.—Я заѣхалъ только потому, что вы присылали.

— Да, мнѣ нужно поговорить съ тобой объ очень важномъ дѣлѣ. И для меня важномъ, и для тебя. Да садись же... Ну, выпей хоть чашку кофе...

— Нѣтъ, ужь я лучше рюмку мадеры...

Молодой человѣкъ снялъ съ себя перчатки, бросилъ ихъ въ шляпу и сѣлъ.

— Мнѣ нужно поговорить съ тобой объ очень серьезномъ дѣлѣ, продолжалъ старикъ.

— Tout à vous...

— Я хотѣлъ тебя давно видѣть, но ты пропалъ куда-то... Спрашивалъ у твоего начальника... Тотъ говоритъ: «и на службу не ходитъ. Мѣсяца два не былъ».

— Да... Тутъ у насъ все праздники... Впрочемъ, двадцатаго числа я былъ въ канцеляріи и получилъ жалованье... Ахъ! дядя... Я ужасно скучаю... Балетъ упалъ... Полнѣйшее паденіе. Французской оперетки нѣтъ. Я ударился въ кутежъ... Право, ударился въ кутежъ... Откровенно вамъ говорю. Пробовалъ читать—скука. Главное, что моя пассія уѣхала. Я въ отчаяніи. Вотъ я и кучу.

— Не мели вздоръ, не мели вздоръ...

— Честное слово, кучу. Кучу какъ какой-нибудь армейскій прапорщикъ.

— Хотя другимъ-то это не рассказывай. Теперь-то именно и нужно, чтобы ты себя держалъ солиднѣе. Это нужно и для моихъ, и для твоихъ цѣлей.

— У меня, дядя, теперь нѣтъ цѣлей. Я живу безъ цѣлей. Вотъ вернется изъ-за границы моя пассія, и тогда, можетъ быть, у меня явятся цѣли, а теперь... Однако, дядя, говорите скорѣе, что вамъ нужно, потому что къ двумъ часамъ я тороплюсь къ Борелю, спохватился молодой человѣкъ, взглянувъ на большіе стѣнные часы.

Старикъ помолчалъ, пошамкалъ губами и отеръ ихъ салфеткой.

— Я придумалъ для тебя и для себя очень выгодную денежную комбинацію, началъ онъ.—Я нашелъ для тебя мѣсто.

— Мѣсто!.. Ахъ! увольте, дядя... Мнѣ теперь не до мѣстъ! воскликнулъ молодой человѣкъ.

— Ты долженъ, Вольдемаръ, принять это мѣсто, долженъ для дяди... вставила свое слово рыхлая дама. — Еще Богъ

знаеть, выберуть ли тебя на это мѣсто, но если выберуть, то долженъ принять.

— Въ гласные? Въ думскіе гласные? Чтобы подвергаться насмѣшкамъ со стороны прессы! Избави Богъ!

— Постой, постой, перебилъ его старикъ. — Тутъ не о гласныхъ идетъ рѣчь. Зачѣмъ я тебѣ буду предлагать мѣсто гласнаго? Гласные засѣдаютъ въ думѣ безъ всякаго оклада, а я прочу для тебя такое мѣсто, гдѣ ты будешь засѣдать и получать окладъ.

— Вотъ засѣдать-то я, дядя, именно и не могу. Это вѣдь очень скучно засѣдать и слушать всякій вздоръ.

— Ну, ты можешь засѣдать и не всякій разъ... Ты можешь прійти и уйти... Придешь, повернешься и уйдешь. А между тѣмъ будешь получать содержаніе.

— Если хорошій кушъ, то пожалуй... Но однако, ближе къ дѣлу, дядя, ближе къ дѣлу... Я тороплюсь.

— Ахъ, Боже мой!.. Погоди... Такъ сразу нельзя. Вѣдь это дѣло серьезное.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, дядя, что я серьезныхъ дѣлъ не люблю.

— Это дѣло ты навѣрное полюбишь. А главное, ты будешь получать довольно крупный окладъ за ничто.

— Eh bien? вопросительно взглянулъ на старика молодой человѣкъ и поправилъ въ глазу монокль.

Старикъ посмотрѣлъ на служившаго имъ за завтракомъ лакея и сказалъ:

— Уйди, Герасимъ. Ты намъ больше не нуженъ. Со стола потомъ приберешь!

— Какая таинственность! улыбнулся молодой человѣкъ.

— Зачѣмъ же при людяхъ?.. А quoi sert ça?

— Вы меня начинаете заинтересовывать, дядя.

— Узнаешь въ чемъ дѣло, такъ еще больше заинтересуешься.

— Ну-съ?..

Старикъ крикнулъ.

— Про новый законъ о несомвѣстительствѣ ты слыхалъ, сказалъ онъ.